

Глава 10: Прощание с родным городом — два названных брата заключают союз; Возвращение в старый дом — вместе вешают вывеску «Тронуть алые губы»

—

— Дело улажено? — в почтовой станции за городом Линь Лан спросил безучастно.

Почувствовав, что уныние юноши еще не совсем прошло, Тан Юйшу похлопал себя по груди, пытаясь улучшить атмосферу:

— Улажено — не думай об этом. Я подсчитал: в Чэньтане есть маленькая лавка фарфора, в тот день, когда я готовил хого, я использовал посуду, купленную там, двести штук — всего один цянь; там же есть кузнец, котел и жаровню у него делал, в сумме не больше двух цяней; еще столы — взгляни на стол, который я сам сделал, разве он хуже, чем у вас, богатых? Материала на десять столов — меньше одного ляна хватит — пока я здесь, что не сделаю?!

Безучастный Линь Лан опустил лицо на стол и горько усмехнулся.

Хотя это было совсем не похоже на воображаемый изысканный и величественный ресторан, но... сейчас приходилось довольствоваться и этим. В конце концов, все равно пришлось Тан Юйшу одному все делать, и неизвестно, сколько стоили все эти так называемые «богатый торговый опыт» нынешнего Линь Лана, у которого не было ни гроша?

Настроение не могло сразу улучшиться, но Тан Юйшу почему-то был в восторге и, таинственно приблизившись, спросил:

— Чего молчишь? Я тебе говорю — наша лавка обязательно получится!

— «Наша лавка»...

— Обязательно получится!

— Почему? — Линь Лан наконец сел прямо и, глядя на Тан Юйшу, спросил.

Учитывая, что сказать что-то вроде «заставь брата Линь Лана заплакать» наверняка означало бы получить взбучку, честный и простодушный Тан Юйшу, подумав, стиснул зубы и лишь загадочно улыбался, не зная, чем отговориться.

Но Линь Лан задал встречный вопрос:

— Ты мне так веришь?

— Угу! — кивнул он с невероятной уверенностью.

— Я молодой господин. Открыть лавку, даже если провалюсь на сто лян, тысячу лян — это мелочи, я в любой момент могу вернуться к своей расточительной жизни. А ты? Разве не боишься потерять деньги? Разве не боишься, что эта лавка — всего лишь моя прихоть, и, когда она пройдет, я брошу ее?

— Боюсь, — честно ответил Тан Юйшу.

— Тогда почему веришь мне?

— Мне не на что полагаться, но я тебе доверяю... что ты не обманешь меня.

Линь Лан фыркнул со смехом:

— Ты и правда дурак... Если встретишь хитроумного жулика, который уведет у тебя дом, ты, наверное, даже не опомнишься.

Тан Юйшу, получивший определение «дурак», не знал, что сказать, и лишь смеялся вместе с ним.

— Жаль, я не могу дать тебе гарантий — потому что сам не знаю, получится ли эта лавка. Единственное, что могу гарантировать, — я не подведу эту лавку и не обману тебя, — Линь Лан глотнул грубого горького чая на станции. — Я завидую Цинъян — у нее был такой хороший брат. Ради нее у тебя появилось бесстрашие, но и желание жить, чтобы бояться смерти. А я... хоть и родился с золотой ложкой во рту, с детства окруженный толпой приспешников, готовых исполнить любое желание, но как раз не знаю, как тронуть чье-то сердце...

За станцией то и дело слышались торопливые звуки проезжающих повозок и лошадей.

Влетевший в залу ветерок развеял две пряди волос Линь Лана, обнажив тонкие и холодные глаза. В полузабытьи Тан Юйшу показалось, что что-то незримое ускользает из тела этого юноши в парчовых одеждах перед ним — наивность или гордость.

Даже понимая, что эти изменения неизбежны, что это неотъемлемая часть взросления, Тан Юйшу необъяснимо хотел что-то сделать, чтобы это взросление замедлилось, еще немного замедлилось...

— Давай станем названными братьями!

Линь Лан: «?»

С наступлением ночи в Цзиньлине, зажглись фонари, в усадьбе Линь.

— Линь Лана еще не нашли, и зачем тебе ехать в Чэнду?!

— Не волнуйся, с Линь Ланом все хорошо — вчера же нашли его следы? Значит, сейчас он тоже в городе, в любом случае в руках у зятя, через несколько дней обязательно найдем, — перед разгневанным зятем Чжан Цянь отвечал с улыбкой.

— Наверняка этот негодяй потратил все деньги, вот и пошел разминивать вексель — скажи, не заставит ли его такой испуг жить еще хуже?.. — он был зол, но родной сын — тоже плоть от плоти, господин Линь нахмурился и вздыхал раз за разом. — А еще ты — в конце концов, это все ты! Линь Лан перенял у тебя все дурные привычки!

— Я, я...

— В свое время ты тоже не слушался отца, не учился как следует, а занялся каким-то управлением водного транспорта! И что в итоге? В итоге... — он хотел привести плохой пример, но, договорив до этого места, господин Линь запнулся — Управление водного транспорта «Цяньхэ» не только нельзя назвать плохим примером, но в последние годы оно стало эталонным образцом в деловых кругах.

Атмосфера стала неловкой.

Чжан Цянь, будучи сообразительным, сразу же перевел разговор в сторону:

— Очевидно, он пошел в мою сестру — разве моя сестра в свое время не ослушалась отца, чтобы выйти за тебя?

— Что? — господин Линь поднял лицо. — Ты хочешь сказать, что твоя сестра ошиблась в человеке?

— Пфф... — Чжан Цянь, глядя на высокомерно поднятый подбородок зятя, не удержался и рассмеялся. — Я не это имел в виду! Зять, не пеняй зря — взгляни на свое выражение лица и брови сейчас, если скажешь, что Линь Лан не пошел в тебя, никто не поверит.

Подвергшись насмешкам шурина, господин Линь надул щеки, но не нашел слов для возражения, и просто сменил тему:

— ...Зачем ты едешь в Чэнду?

— После подавления мятежа в Чэнду мой названный брат остался там заниматься послевоенными делами, недавно прислал письмо, просил приехать. Я еду, во-первых, повидаться с ним, во-вторых, лично оценить ситуацию в Чэнду — сейчас как раз послевоенное обустройство, у народа не хватает денег, срочно нужна торговля, чтобы серебро потекло в Чэнду, — Чжан Цянь отпил чаю и продолжил. — Чэнду издавна славится сычуаньской вышивкой, я посмотрю, смогу ли помочь тебе, зять, продвинуть туда бизнес цзиньлинского ткачества. Кроме того, после войны многие демобилизованные солдаты остались без дела, Управление водного транспорта как раз может оказать услугу двору, предоставив работу нескольким сотням человек, чтобы помочь двору с обустройством.

Господин Линь усмехнулся:

— «Помочь двору с обустройством»? — Отлично сказано.

Чжан Цянь, чьи мысли раскусили, смущенно улыбнулся:

— Управление водного транспорта из-за различных сложных отношений давно страдало от трудностей с расширением вверх по течению... Сейчас, предоставив несколько должностей, мы, во-первых, поможем моему названному брату стабилизировать Чэнду, во-вторых, это хороший шанс для Управления водного транспорта, опираясь на двор, наладить перевозки по всей реке Чанцзян.

Прощаясь и выходя из усадьбы, Чжан Цянь встретил Шуньэра и увидел, что по щекам ребенка были размазаны румяна.

Чжан Цянь окликнул его.

Шуньэр, хоть и был слугой в усадьбе Линь, но на самом деле это был мальчик, которого когда-то лично купила госпожа. С детства он следовал за Линь Ланом, и его положение было высоким, словно он наполовину молодой господин. С тех пор как Линь Лан пропал, он целыми днями сидел на широких ступенях перед усадьбой Линь, с надеждой ожидая.

Шуньэр лишь бросил на него сердитый взгляд, не ответил и пошел внутрь.

В прошлый раз Шуньэр обнаружил, что он на самом деле знает, где Линь Лан, но под его расспросами Чжан Цянь молчал. С тех пор Шуньэр постоянно дулся и игнорировал его. Чжан Цянь горько усмехнулся и покачал головой.

Но Шуньэр все же был мал и не очень сообразителен. Если бы он действительно рассказал ему, где Линь Лан, и тот проговорился бы, было бы плохо.

Однако в глубине души Чжан Цянь понимал: Шуньэр с детства рос вместе с сестрой и Линь Ланем, его преданность этим матери и сыну была безграничной. Когда сестра умерла, этот ребенок несколько дней отказывался от еды; позже, когда Линь Лан отправился с ним по Шелковому пути и не взял того с собой, по возвращении Шуньэр целыми днями ругал Чжан Цяня: «Плохой дядя, который увел молодого господина!»

Чжан Цянь вздохнул. То, что он молчал и не раскрывал ни слова, было действительно жестоко по отношению к этому ребенку.

Размышляя об этом, он увидел, как подошел его собственный слуга, ожидавший перед усадьбой Линь, и передал ему листок бумаги.

При ярком свете фонарей у ворот усадьбы Линь он разглядывал его некоторое время, затем широко раскрыл глаза:

— Это... кто тебе передал?

Слуга ответил:

— Прохожий — высокий, говорит с неизвестным акцентом, сказал, что его попросили передать именно вам, господин.

— Иди — сначала вернись в усадьбу, возьми собранные вещи, потом сразу встретимся на пристани, у меня срочное дело.

Слуга, получив приказ, ушел.

Чжан Цянь уже собрался зашагать по адресу на бумажке, но вдруг вспомнил о чем-то, обернулся и крикнул маленькой фигурке, еще не ушедшей далеко:

— Шуньэр!

Тот остановился, но не повернулся.

— Иди сюда.

Без движения.

— Иди же! Дядя хочет тебе кое-что сказать.

По-прежнему без движения.

— Дядя отведет тебя к тому, кого ты хочешь увидеть, — Чжан Цянь старался говорить неопределенно, искоса поглядывая на слуг усадьбы Линь; к счастью, те, казалось, не заметили ничего странного.

Шуньэр повернулся, на лице его было семь частей ожидания, подавленных тремя частями обиды.

В душе Чжан Цянь волновался:

— Не пойдешь — дядя сам уйдет.

Едва он договорил, Шуньэр бросился к нему, споткнувшись на пороге.

За простым чайным столиком на станции Шуньэр бросился в объятия Линь Лана и зарыдал, захлебываясь.

Чжан Цянь и Тан Юйшу сидели с другой стороны, оба покрытые испариной, хмурясь и горько улыбаясь, наблюдая за «воссоединением после долгой разлуки», чувствуя себя неловко.

Выслушав рассказ Линь Лана, Чжан Цянь смутно понял примерный ход событий.

«Сцену глубоких чувств хозяина и слуги» было неловко прерывать, и он лишь неловко вежливо улыбнулся юноше рядом:

— Так значит, вы служили под началом Ли Гуана?

Услышав это до боли знакомое имя, Тан Юйшу сначала замер, затем кивнул:

— ...Да.

— О... какая судьба... — отвечая, он в душе вдруг смутно догадался о причинах «дела о недвижимости в Чэньтане» и невольно ахнул.

Снаружи уже раздались голоса, торопящие с отправлением.

Видя, что Линь Лан все еще находится в плену Шуньэра, который обнимает того, как осьминог, пытаясь уговорить его «сначала вернуться в усадьбу Линь, чтобы не тревожить господина», Чжан Цянь встал и, взяв Тан Юйшу, сказал:

— Ты сначала успокой Шуньэра, а мы с молодым господином Таном выйдем... посмотрим.

Линь Лан горько усмехнулся и кивнул.

Выйдя с почтовой станции, Чжан Цянь вдруг достал вексель и сунул его Тан Юйшу:

— Благодаря вашей заботе в последние несколько дней Линь Лан не доставил никаких хлопот, не так ли?

— Нет-нет... — Тан Юйшу не решался взять деньги. — Вы это... зачем?

Чжан Цянь вежливо улыбнулся:

— Я тоже выходил в спешке, с собой много денег нет, всего сто лян, в качестве задатка. Тот дом действительно был оставлен моим покойным отцом Линь Лану. В ближайшие дни я пришлю человека, чтобы доплатить еще четыреста лян... Хотя точной ситуации не знаю, но эта путаница с домом в Чэньтане, скорее всего, связана с моим бестолковым названным братом — то есть вашим генералом Ли Гуаном. Не отказывайтесь, просто возьмите. Однако, когда уездный магистрат завершит дело, вы уезжайте...

Тан Юйшу отступил на шаг, подальше от протянутых денег:

— Но Линь Лан сказал, что хочет вместе со мной открыть ресторан хого!

Улыбка Чжан Цяня оставалась вежливой:

— Только что Линь Лан говорил с воодушевлением, я не решался его прервать. Но в конце концов — любое дело непросто. Он молод, все воспринимает слишком просто. Я не надеюсь, что он совершит что-то великое, я лишь хочу, чтобы он жил, как хочет.

— Но Линь Лан сказал, что хочет вместе со мной открыть ресторан хого! — Тан Юйшу неуклюже повторил свои слова.

Эта упертость заставила Чжан Цяня перестать улыбаться:

— Простите за бестактность — раньше вокруг Линь Лана всегда было много людей, желавших его денег и выгоды, но пока они не причиняли ему вреда, мне было все равно. Но сейчас у него нет ни гроша, что же вы от него хотите?

— Чего хочу...? — Тан Юйшу опустил голову. — Не знаю.

Чжан Цянь убрал занемевшую руку. Впервые столкнувшись с ситуацией, когда деньги никак не получается отдать, он тоже почувствовал неловкость.

— Я сначала не хотел делать это вместе с ним — я просто обычный человек, выживший на войне, не видел ничего в жизни, у меня нет никаких мечтаний, планов... Двор подарил мне дом — я живу, нашел случайную работу, влачу жалкое существование. Ни о чем не печалюсь, ни на что не претендую...

— Но даже такой незначительный человек, как я, иногда жалеет благородного молодого господина вроде Линь Лана — у него есть свои планы, но вы все не верите, не соглашаетесь... Его не должна презирать старшая сестра Хуа, его не должен заставлять отец становиться чиновником, и вы не должны запирает его в золотую клетку, где он будет одновременно в безопасности и жалок.

— Знаете? Когда Линь Лан говорит о ресторане хого, в его глазах появляется сияющий свет.

— Когда моя сестра была жива, каждый раз, говоря о Цзяннани, в ее глазах тоже появлялся сияющий свет.

— Мы уже стали названными братьями. Если это всего лишь забава знатного молодого господина — я составлю ему компанию; он не видел уродства мира — я буду стоять перед ним и защищать его; если в его доме течет крыша — я почию; если он замерзнет — я поделюсь с ним половиной одеяла; даже если однажды мы все потеряем и окажемся на улице, пока у меня есть кусок хлеба, он не будет голоден.

— Если спросить, чего я от него хочу, я хочу видеть тот свет в его глазах. Тот самый свет, который я когда-то хотел защитить, но беспомощно наблюдал, как он угасает.

Сказав все это, Тан Юйшу не стал ждать ответа Чжан Цяня и сам повернулся, чтобы сесть в повозку.

Линь Лан, кажется, еще не уговорил Шуньэра, тот плакал и хотел уйти с Линь Ланом; через некоторое время послышались прощальные слова Линь Лана и Чжан Цяня, напутствующих друг друга.

Тан Юйшу потер тяжелые веки и закрыл глаза.

Ночь двадцать седьмого дня десятого месяца.

— Осторожнее, не упади! — Линь Лан, поддерживая лестницу вниз, наставлял, но все же добавил в своем неизменном стиле «неумения говорить нормально»: — Если разобьешься, у меня нет денег на лечение!

Убедившись, что вывеска висит надежно, Тан Юйшу заглянул вниз и увидел, что у Линь Лана, который весь день готовился к открытию, лицо в свете фонарей было местами черным, местами серым.

Тан Юйшу не удержался и рассмеялся:

— Ты похож на большого пятнистого кота.

— Сам ты пятнистый кот, я... я управляющий — большой тигр!

— Ладно, ладно! Что скажешь, то и будет.

Тан Юйшу слез с лестницы и, подняв голову, вместе с Линь Ланом стал разглядывать старый дом с повешенной вывеской.

— Хотя это сильно отличается от того, что я представлял, но... пока сойдет! — хоть слова и были обескураживающими, улыбка на его лице не уменьшилась ни на йоту.

— Точно, — согласился Тан Юйшу.

— Ах — красный цветочный шар для церемонии перерезания ленты готов?

— Полная тетушка и Худая госпожа каждая сделала по одному.

— Хорошо. Потом пересчитай хлопушки, которые будем завтра взрывать. Помни, не ставь их у стены — тут сыро, если завтра отсыреют и не взорвутся, это будет большой неудачей!

— ...Ладно.

— Посуду я всю вымыл — мясо и овощи купим завтра с утра. Основу для хого ты уже приготовил?

— ...Готово, готово.

— А, еще...

Тан Юйшу уже устал от болтовни:

— Все уже сделано!

— Надоел? Всё из-за того, что ты такой неуклюжий и грубый! — Линь Лан закатил глаза.

— Как называется наша лавка? — Тан Юйшу смотрел на таблицу, которую вырезал своими руками. — Я неуч, неграмотный, не помню...

— Сколько уже времени, а ты не запомнил?! Называется «Тронуть алые губы»! — «Тронуть — алые — губы»! — сказал Линь Лан, делая вид, что хочет ударить Тан Юйшу, чтобы тот запомнил.

Тан Юйшу притворно убежал от него.

Оглянувшись, он увидел, что Линь Лан преследует его, а в его глазах отражались красные фонари по бокам вывески, и свет от этих фонарей мерцал и искрился в глазах юноши.

Тан Юйшу рассмеялся.

—

<http://bllate.org/book/12583/1220582>